

Леся Владимировна Чеснокова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры социологии, Омск, Россия
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Уют как феномен частного пространства

Аннотация. В статье рассматривается феномен уюта, существующий во всех современных культурах как потребность человека в наличии своего, обустроенного по собственному вкусу пространства. В уюте объединены условия внешней материальной среды и внутреннего эмоционального состояния человека. Особое значение уют приобретает в буржуазной культуре XIX в., предполагавшей дихотомию работы и отдыха, публичной и частной сфер. Уют — важная потребность современного человека, обеспечивающая отдых и восстановление, защиту от тревог и невзгод внешнего мира.

Ключевые слова: уют, сфера частного, дом, буржуазная культура, индивидуализм.

Lessia V. Chesnokova

Dostoyevsky Omsk State University, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology,
Omsk, Russia
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Comfort As a Phenomenon of Private Space

Abstract. The article examines the phenomenon of comfort that exists in all modern cultures as a person's need to have his own space, equipped according to his own taste. The comfort combines the conditions of the external material environment and the internal emotional state of a person. Comfort acquires special importance in the bourgeois culture of the 19th century, which assumed a dichotomy of work and leisure, public and private spheres. Comfort is an important need of a modern person, providing rest and recovery, protection from the anxieties and adversities of the outside world.

Keywords: comfort, private sphere, home, bourgeois culture, individualism.

Введение (Introduction)

В настоящее время на фоне усталости от бесконечных политических кризисов и социально-экономических проблем мы наблюдаем рост интереса к частной сфере, в которой протекает повседневная жизнь обычного человека. В собственном доме, как в уютом пространстве, которое в отличие от внешнего мира можно обустроить по собственному вкусу, наполнить собственными смыслами и воспоминаниями, человек чувствует себя спокойно и уверенно в окружении близких людей и привычных вещей. С философской точки зрения частности придается фундаментальное антропологическое значение.

Целью статьи является культурфилософская концептуализация уюта в его связи с частным пространством. В рамках данной работы прослеживаются этапы становления индивидуальной потребности в уюте, выявляются сущность и особенности этого явления, определяются условия его возникновения и функционирования, а также проводится сравнительный анализ отношения к уюту и частности в западной и российской культурах.

Методы (Methods)

При написании статьи были опробованы возможности философии культуры как методологии, позволяющей рассмотреть культуру как сферу функционирования и диалога смыслов. С точки зрения Н. Г. Краснояровой, «философия, включая в поле размышления те или иные объекты, прорастает в культуре разными смыслами, зеркально отражая их на поверхности своего “мыслительного Океана”. Культура же, вглядываясь в философию, как в зеркало, прозревает, постигает, накапливает себя как сферу универсальной (возможной) мыслительной деятельности» [1, с. 36]. Основой исследования выступает системный подход, позволяющий проанализировать и объединить отдельные аспекты изучаемого явления, а также методы логического и исторического анализа, герменевтический и логический методы.

Теоретико-методологическую основу статьи составили исследования Ю. Хабермаса, в которых вводится разделение частной и публичной сфер, произошедшее при историческом переходе к Новому времени в европейских странах. Кроме того, в качестве материалов исследования использовались монография Б. Шмидт-Лаубер, посвящен-

ная культурологическому анализу феномена уюта; труды С. А. Лишаева, в которых рассматривается феномен уюта в эстетике пространства; кросс-культурный анализ представлений об уюте как о состоянии благополучия Т. Ломаса; изучение связи потребности в приватности с ростом индивидуалистического сознания Р. ван Дюльмена; исследование потребности в собственном доме как потребности европейского буржуазного общества Х. Глазера, Ф. Моретти и У. Фреверт; исследования особенностей проявления потребности в уюте в российском обществе А. Д. Шмелева, И. В. Пржиленского и Ф. Ингольда, а также другие работы отечественных и зарубежных ученых.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Термин «уют» включает в себя множество смыслов, выходя за пределы таких близких к нему понятий, как хорошее самочувствие, удобство, комфорт. В словаре Ожегова уют определяется как «...удобный порядок, благоустройство в жилье» [2, с. 677]. У Даля уют — это «...прият; укромность, поместительность и удобство; тепло в покое, подручность всего нужного» [3, с. 545]. Следовательно, ощущение уюта предполагает атмосферу комфорта, покоя и благополучия, а также окружение, в котором человек чувствует себя хорошо. Уют характеризуется душевным равновесием, защищенностью, отсутствием забот и конфликтов.

Как отмечает Т. Ломас, во многих языках мира существует непере译имый полностью на другие языки класс слов, относящихся к домашнему уюту и связанных с ощущением общего благополучия. Сюда, в частности, относятся такие слова, как датское *hygge*, а также немецкие *Gemütlichkeit* и *Geborgenheit*. Наиболее распространены такие слова в северных странах, что, вероятно, выражает «связь географии, культуры и языка, поскольку такие качества особенно ценятся в холодном и негостеприимном климате» [4, р. 7] (здесь и далее перевод наш. — Л. Ч.), и помимо простого обозначения теплых и комфортных условий они, по всей видимости, обращаются к экзистенциальному чувству безопасности и покоя.

Примечательно, что «в славянских языковых культурах, в частности в русской и украинской, понятие, аналогичное немецкому “*Gemütlichkeit*”, отсутствует. И это несмотря на то, что на территориях, где проживают эти этносы, особенно на севере России, климат действительно суровый. Более того, украинские слова “затишність”, “затишок” и русское “уют”, которые можно рассматривать как межъязыковые эквиваленты существительного “*Gemütlichkeit*”, отражают только часть его семантики» [5, р. 48].

Слово «уют» как особое понятие и как ценность вошло в европейские языки в результате формирования «буржуазной (городской) культуры и складывания нового (гуманистического) мировосприятия» [6, с. 64]. Понятие «уют» неразрывно связано с внутренней душевной жизнью. Уют невозможно понять изолированно от внешних обстоятельств, однако, прежде всего, он связан с эмоциональным состоянием человека, затрагивает его душевную сферу и в этом смысле имеет экзистенциальное значение. В этой связи важную роль играет особая ценность личности в духовной и идейной истории Запада, которая получила раз-

витие в Новое время. Как указывает Б. Шмидт-Лаубер, в Европе этот термин приобретает актуальность с XVIII в., в особенности с эпохи сентиментализма — литературного течения, в центре внимания которого был внутренний мир человека. «То, что сегодня воспринимается как нечто само собой разумеющееся, неповторимость и ценность Я, является следствием развития индивидуальности» [7, с. 56], начиная с Нового времени и до наших дней.

Потребность в уюте связана с индивидуализмом. В традиционные времена домашние интерьеры горожан зависели от стиля, определяемого культурным и духовным содержанием эпохи. Утратив связь с традицией, человек Нового времени стал представлять только собственную индивидуальность. Теперь обстановка жилища зависит от личного вкуса его обитателей. Переживание уюта возникает не в результате стилистического единства интерьера, а вследствие таких качеств пространства, как его обжитость, человечность, наполненность индивидуальными смыслами и воспоминаниями.

Уют связан с приватной сферой. *Privat* (от лат. *privare* — отделенный, *privatum* — собственное) означает области, которые закрыты для публики. Это сфера жизни отдельного человека, отделенная от внешнего мира, где он может побыть наедине с собой или в обществе близких людей. И. В. Пржиленский в рамках социологического исследования частной жизни отмечает, что приватность представляет собой «некое пространство, прилегающее к личности и ограживающее ее от внешних вмешательств», которое гарантирует индивиду свободу суждения и действия [8, с. 24].

До эпохи модерна существовала традиционная культура, в которой люди жили в общине, где всё было естественным образом подчинено циклу сельскохозяйственных работ и связанных с ним праздников. Традиционный уклад крестьянского дома понимался как продолжение вечного мирового порядка. Крестьянский быт не был специально спланирован, а в течение многих веков воспроизводил сверхиндивидуальный уклад. Не отдельная личность свободно выбирала свой образ жизни, а род, патриархальная семья продолжали традиции предков.

Уют появляется тогда, когда человек выходит из власти традиции, отчуждаясь от своей общины. Он чувствует себя одиноко и неуверенно в огромном мире, где ничто больше не защищает его, и пытается найти новую экзистенциальную защиту в сфере приватности. Уют связывается с «гуманизмом и новым (буржуазным, индивидуалистическим, деятельным) образом жизни» [6, с. 70]. Основные ценности современной индивидуалистической культуры возникли в эпоху Нового времени, освободившую европейского человека от власти традиционного общества. В этот исторический период происходит бурное развитие науки и техники, однако одновременно усиливается социальное напряжение и отчуждение от мира. Человек Нового времени оказывается вне традиционного сознания. Мир более не был сотворен Богом, стали непонятны его смысл и смысл жизни человека, испытывающего страх, одиночество и бесприютность.

Развитие индивидуалистического сознания не всегда представляло собой добровольное решение, а, как правило, было обусловлено определенной социальной ситуацией.

«Необходимость взять свою жизнь в собственные руки, после того как были поколеблены такие традиционные социальные институты, как семья или церковь, требовала от индивида напряжения и усилий» [9, с. 4]. Теперь он должен был самостоятельно принимать решения, касающиеся собственной жизни, и нести за них ответственность. С развитием индивидуализации человек сталкивается с вызовами и напряжениями, с которыми зачастую не может справиться. Платой за свободу и индивидуализм является страх и ощущение оторванности от своих корней и социальной группы. Это время секуляризации, эпоха быстро распространяющегося нигилизма. Место Бога в сознании заняли темные силы судьбы, которым приходилось противостоять в одиночестве, без поддержки общины. Обратной стороной материализма и гедонизма было чувство беспокойства, потерянного Я. Индустриализация сопровождалась осознанием личной уязвимости, страхом бедности, болезни, утраты положения в обществе. Надежды прогресса были поколеблены, человек вступил в конфронтацию с пропастью бытия.

Х. Глазер пишет о неприятном чувстве разорванности духа времени, которое сопровождало «уютный» XIX в. Огромное внутреннее напряжение, вызванное борьбой в мире безжалостной конкуренции, порождало потребность в наличии собственного, закрытого от чужих пространства, своего рода отдушины, где можно было отдохнуть от стрессов и тревог. Буржуазная жилая культура локализует тихий домашний мир, «она представляет собой место укрытости и защищенности до того, как всё обратится в Ничто. Уютное бытие пытается противостоять неумолимому течению времени. Здесь можно немного насладиться мирскими радостями, здесь накрыт стол» [10, с. 413], здесь человек чувствует себя в безопасности. Подобный гедонизм является проявлением жизненного мужества, сопровождающимся осознанием факта постоянной неопределенности. Уют собственного дома спасает человека Нового времени от тревог и опасностей внешнего мира как защитная среда, в которой можно испытать чувство безопасности и комфорта. Признаком тяги к защите частного пространства от всего внешнего выступает ассоциация уюта с гардинами и тюлем (вспомним «кремовые шторы» в квартире Турбиных у Булгакова).

Особенное развитие феномен уюта получил в XIX в., что объясняется развитием буржуазного общества в Европе. В уюте отражается феномен буржуазной модели поведения, распространившейся как культурный образец и предполагавшей дихотомию общественной и частной жизни, рабочего времени и частного досуга. Потребность в уюте связана с образом жизни и самосознанием этого нового класса, пытавшегося отгородиться и от аристократии, и от пролетариата.

По словам М. Вебера, несмотря на то, что протестантская этика выступала против излишеств потребления, она позволяла наслаждение семейными радостями как практически полезным и этически дозволенным применением богатства. «Мишурному блеску рыцарского величия с его весьма шаткой экономической основой и предпочтением сомнительной элегантности трезвой и простой жизни она противопоставляла уют буржуазного “home” с его

безупречной чистотой и солидностью» [11, с. 121]. Домашний уют буржуазии представляет собой золотую середину между нуждой рабочего класса и расточительной роскошью аристократии. Близость к труду оправдывает домашний уют с точки зрения протестантской этики: «...Благоустройство, да, но такое, которое не отвлекает вас от вашего призвания, потому что для этого оно слишком аскетичное и скромное» [12, с. 75].

Для буржуазной культуры был характерен специфический репертуар образцов поведения и определенные нормы и ценности: трудолюбие, стремление к материальному успеху, рационализм, индивидуализм, а также особая роль семьи. Уют стоял в тесной связи с развитием частной жизни и тем самым с пространственным, временным и поведенческим разделением между миром работы и семьи, публичной и частной жизни.

В эпоху Нового времени институт малой семьи освобождается от связи с процессами общественного производства. «Буржуа либеральной эры проживали свою частность в семье. Областью частной сферы был освобожденный от экономических функций дом» [13, с. 238]. Происходит идеализация выходного дня в кругу семьи в гармонии с Богом и миром как время отдыха и покоя. В эту эпоху усиливается поляризация гендерных ролей. Центром семьи становится женщина, обязанная самоотверженно заботиться о детях и супруге. В то время как женщина отвечает за сферу частного, мужчина берет на себя публичную сферу, продуктивную деятельность. «Даже если этот семейный идеал редко воплощался в действительности, и, прежде всего, он был чужд для сельских и городских низов общества, он был популярен в среде мелкой буржуазии» [14, с. 14].

В каких внешних условиях может возникнуть чувство уюта? Его наличие определяется удобством по отношению к человеку и отсутствием крайностей. Это ни слишком пустая, ни забитая вещами комната; ни холодная, ни жаркая; ни слишком богатая, ни слишком бедная; ни стерильно чистая, ни грязная. Пафос и претенциозность мешают возникновению этого чувства, а простота и естественность — способствуют. Время, когда особенно сильно ощущается уют, — это вечерние часы, когда все дела уже сделаны и человек имеет право отдохнуть, и выходные дни, которые можно провести, сообразуясь со своими индивидуальными вкусами, без внешнего принуждения.

С уютом неразрывно связано ощущение душевного покоя и комфорта, хорошего самочувствия, отсутствие физического и психического страдания, печали и страха. «Негативные внешние воздействия и дурные мысли разрушают ощущение уюта» [15, с. 1123]. Уют воспринимается в качестве контраста к тяжелым и неприятным вещам. Для него необходимы свобода и душевный покой, когда не нужно подчиняться внешнему давлению и общественным ожиданиям, а можно хотя бы какое-то время посвятить собственным чувствам и предпочтениям.

Следует упомянуть также социальную сторону феномена уюта, который предполагает теплоту и гармонию между людьми. Интимность, доверительность и близость являются предпосылками для его возникновения. И, напротив, «ситуация перестает быть уютной, когда в общении проя-

ляются анонимность и чуждость, когда над спонтанностью и непринужденностью господствуют самоконтроль, принуждение и расчет» [7, с. 123]. Присутствие чужих друг другу людей — помеха для уюта, поэтому его оборотной стороной является исключение чужаков. Уют — это выражение легитимного эгоизма, потому что человек может творить в своем пространстве собственный мир, создавать обстановку по собственному вкусу, общаться лишь с приятными ему людьми, исключив всё чуждое и мешающее. Уют регенерирует силы индивидуума, дает передышку от внешнего давления, выполняя тем самым компенсационную функцию.

Как правило, во всех культурах чувство уюта имеет положительные коннотации, но иногда трактуется негативно. Предубеждение против уюта возникает, прежде всего, потому, что он является нарицательным понятием для мещанства. Это слово вызывает ассоциации с ограниченным мелкобуржуазным стилем жизни: геранью на подоконнике, канарейкой в клетке и т. п. В особенности эта негативная оценка преобладала у сторонников левых политических взглядов, критиковавших буржуазную действительность. Для них ценности мирной семейной жизни и простого счастья обычного человека казались пошлостью. «Романтики не могли принять за норму человека, который свои представления о достойной жизни связывал с уютом домашнего очага, с душевным покоем и общением в тесном кругу родных и близких» [16, с. 147–148].

В русской культуре понятие «уют» появляется позже, чем в Западной Европе. Это связано с более поздним переходом от традиционного к индивидуализированному сознанию, который произошел после петровских реформ и долгое время затрагивал лишь высшие слои общества. Однако прочные традиции уюта в России так и не сложились. Еще Чаадаев отмечал, что «одна из самых поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации заключается в пренебрежении удобствами и радостями жизни» [17]. Особенностью русской культуры является скорее тяготение к понятию «простор», связанному с ощущением безграничной свободы (воли). Тем не менее и в России присутствует любовь к уюту как характеристике небольших теплых помещений, защищающих человека от холода бескрайнего пространства. Теплота и укромность здесь противопоставлены мраку и непогоде. Уют в русской культуре «...ассоциируется со “своим”, только себе принадлежащим небольшим пространством, как-то отгороженным... от внешнего мира... защищенным “уголком”, где тепло, покой и не спуют посторонние люди» [18, с. 827].

Зачастую тепло родного дома упоминается по контрасту с холодом и бесприютностью внешнего мира с его природными и социальными катаклизмами. Дом — обратная сторона странствия: чем длиннее путь, тем желаннее дом. «Часто у русских наблюдается амбивалентность между оседлостью и неприкаянностью, между уходом и возвращением, домом и путем» [19, с. 138]. Чем больше простора, тем сильнее потребность в наличии своего собственного, безопасного пространства. В. Розанов в «Апокалипсисе нашего времени» перед лицом мировой войны и революции писал: «И помни: жизнь есть дом. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над “круглым домом”, и Бог тебя не оста-

вит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет гнездо» [20, с. 60]. Здесь мы видим отчаянную попытку противостоять рушащемуся миру, укрывшись от мировых катаклизмов в собственном доме.

Еще одной из причин, почему, в отличие от западноевропейских культур, у нас было меньше возможностей для развития уюта, является то обстоятельство, что уют исторически связан с развитием буржуазии. В России в результате запоздалой форсированной модернизации не успел сложиться такой мощный средний слой, как в Европе. Следовательно, в массовом сознании не успели утвердиться буржуазные нормы и ценности, такие как индивидуализм, личный успех и благосостояние. До эпохи советской модернизации большинство населения составляли крестьяне, для которых средством выживания в условиях тяжелого климата был общинный образ жизни.

Впоследствии в советское время государство продолжало поддерживать коллективистскую идеологию. Пресловутый «квартирный вопрос», отсутствие возможности завести собственное жилье также не способствовали созданию уютного пространства. У многих семей имеется многолетний опыт проживания в бараках, коммуналках, общежитиях, предполагавший невозможность уединения. Традиционно существовало неуважение государства и общества к приватной сфере человека. Отсюда берет начало безытийность русской культуры, «романтическая линия которой осуждала стремление к уюту как проявление мещанства» [21, с. 113]. Большое значение имеет оппозиция «высокого» и «низкого». «В частности, как низкое часто воспринимается всё, что связано с повседневной жизнью, житейской устроенностью и материальным достатком. Даже сами такие слова, как *благополучный*, *сытый*, *обыватель*, легко приобретают негативный оттенок» [22, с. 175]. Быт связан с материальной стороной человеческого существования, с домом, повседневным существованием в противоположность миру работы, публичной сфере.

Однако если общественная деятельность считается возвышающей человека, то быт как материальная сторона жизни приобретает скорее негативную коннотацию, встраиваясь в оппозицию: быт — бытие, низкое — высокое, материальное — духовное. Считается, что чрезмерная фиксация на быте мешает стремлению к подлинным человеческим ценностям. Сосредоточенности на своем маленьком приватном мире и личных интересах мещанства противопоставляется духовность героев-романтиков, жертвующих своей жизнью на благо общества. Очевидно, что за подобными идеологическими установками зачастую скрывались манипуляции государства, стремившегося к тому, чтобы человек бескорыстно служил его интересам, не думая о своих собственных.

Однако в последнее время в научной литературе всё чаще обращаются к феномену обыденного сознания и его носителю — простому, обычному человеку. Возрождается интерес к ценностям повседневной жизни. «Мещанин, обыватель, рядовой человек осмысливается в последнее время как главный герой, основное действующее лицо современной культуры» [23, с. 108]. Осознание значимости собственного жизненного мира дает человеку возможность

понять свои собственные интересы, дать отпор манипуляциям государства, пытающегося заставить его действовать вопреки собственным интересам. В обществе, уставшем от бесконечных кризисов и потрясений, человек тянется к уюту родного очага, семейной жизни, теплоте общения с родными и близкими.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, многозначность слова «уют» свидетельствует о том, что речь идет о сложном феномене. Этот термин неразрывно связан с индивидуализмом, характеризующим социальное и духовное развитие Европы Ново-

го времени. Потребность в уюте возникает вместе с возникновением приватной сферы в связи с произошедшим в буржуазном обществе разделением на мир работы и мир семьи. Несмотря на обвинения революционеров-романтиков в мещанстве и пошлости, уют является неотъемлемой потребностью современного человека, давая ему возможность обустроить окружающее его пространство по собственному вкусу, превратив его в место, дающее ему отдых и восстановление, защищающее от тревог и невзгод внешнего мира. Возросший в последнее время в гуманитарных науках интерес к этой теме подтверждает ее актуальность.

Библиографический список

1. Красноярова Н. Г. Философия культуры как методология: историко-философский потенциал // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. 2013. № 1 (1). С. 32–36.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Мир и образование, 2013. 736 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. СПб. ; М. : Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. 704 с.
4. Lomas T. The Spectrum of Positive Affect: A Cross-cultural Lexical Analysis // International Journal of Wellbeing. 2017. Vol. 7, issue 3. P. 1–18. DOI: 10.5502/ijw.v7i3.608
5. Mizin K., Petrov O. Emotional State Gemütlichkeit in Cross-cultural Perspective: Corpus-based Approach // Studies About Languages. 2021. No. 38. P. 43–60. DOI: 10.5755/ij01.sal.1.38.26581
6. Лишаев С. А. Феноменология уютного (к эстетической характеристике дома и домашних вещей). Ч. 2 // *Mixtura verborum* 2005: тело, смысл, субъект : сб. ст. / под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2005. С. 63–92.
7. Schmidt-Lauber B. Gemütlichkeit: eine kulturwissenschaftliche Annäherung. Frankfurt : Campus, 2003. 257 s.
8. Пржиленский И. В. Частная жизнь в культуре современного российского общества: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2010. 176 с.
9. Dülmen R. van. Einleitung // *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart* / hrsg. von R. van Dülmen. Köln : Böhlau, 2001. S. 1–7.
10. Glaser H. Bürgerlicher Hedonismus // *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart* / hrsg. von R. van Dülmen. Köln : Böhlau, 2001. S. 407–438.
11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 19–186.
12. Моретти Ф. Буржуа: между историей и литературой / пер. с англ. И. Кушнарева. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 264 с.
13. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2015. 391 s.
14. Frevert U., Haupt H.-G. Der Mensch des 19. Jahrhunderts // *Der Mensch des 19. Jahrhunderts* / hrsg. von U. Frevert, H.-G. Haupt. Essen : Magnus, 2004. S. 9–18.
15. Чеснокова Л. В. Gemütlichkeit (уют) как один из ключевых концептов немецкой культуры // Философия и культура. 2013. № 8 (68). С. 1121–1130. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.8.6957
16. Лишаев С. А. Уютное место (феномен уюта в эстетике пространства) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 2, № 4. С. 144–153.
17. Чаадаев П. Я. Философические письма // Вехи : электрон. б-ка. URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (дата обращения: 12.09.2021).
18. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
19. Ingold F. P. Russische Wege. Geschichte — Kultur — Weltbild. München : Fink, 2007. 569 s.
20. Розанов В. В. Собр. соч. Т. 12 : Апокалипсис нашего времени. М. : Республика, 2000. 429 с.
21. Шмелев А. Д. В поисках мира и лада // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 110–129.
22. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. О пошлости и прозе жизни // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 175–202.
23. Айрапетова В. А. Образ обывателя как культурного героя эпохи в живописи малых голландцев и бидермайере // Царскосельские чтения. 2010. № XIV, т. 1. С. 108–113.

References

- Airapetova V. A. (2010) *Obraz obyvatel'ya kak kul'turnogo geroya ehpokhi v zhivopisi malykh gollandtsev i biedermaiere* [The Image of the Philistine As a Cultural Hero of the Era in the Painting of the Small Dutch and Biedermeier]*, *Tsarskosel'skie chteniya* [Tsarskoye Selo readings]*, no. XIV, vol. 1, pp. 108–113. (in Russian)
- Chaadaev P. Ya. *Filosoficheskie pis'ma* [Philosophical Letters]*, *Vekhi*. Available at: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (accessed: 12.09.2021). (in Russian)
- Chesnokova L. V. (2013) *Gemütlichkeit (uyut) kak odin iz klyuchevykh kontseptov nemetskoj kul'tury* [Gemütlichkeit (Coziness) As One of the Key Concepts in German Culture], *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], no. 8 (68), pp. 1121–1130, doi: 10.7256/1999-2793.2013.8.6957 (in Russian)
- Dal' V. I. (1882) *Tolkovyi slovar' zhivago velikoruskago yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]*. Saint Petersburg, Moscow, Tipografiya M. O. Vol'fa Publ., vol. 4, 704 p. (in Russian)
- Dülmen R. van. (2001) *Einleitung, Dülmen R. van (hrsg.) Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Köln, Böhlau, ss. 1–7. (in German)
- Frevert U., Haupt H.-G. (2004) *Der Mensch des 19. Jahrhunderts, Frevert U., Haupt H.-G. (hrsg.) Der Mensch des 19. Jahrhunderts*. Essen, Magnus, ss. 9–18. (in German)
- Glaser H. (2001) *Bürgerlicher Hedonismus, Dülmen R. van (hrsg.) Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Köln, Böhlau, ss. 407–438. (in German)
- Habermas J. (2015) *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 391 s. (in German)
- Ingold F. P. (2007) *Russische Wege. Geschichte — Kultur — Weltbild*. München, Fink, 569 s. (in German)
- Krasnoyarova N. G. (2013) *Filosofiya kul'tury kak metodologiya: istoriko-filosofskii potentsial* [Culture Philosophy of As Methodology: Historical-Philosophical Potential], *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], no. 1 (1), pp. 32–36. (in Russian)
- Lishaev S. A. (2005) *Fenomenologiya uyutnogo (k ehsteticheskoi kharakteristike doma i domashnikh veshchei)*. Part 2 [Phenomenology of the Cozy (To the Aesthetic Characteristics of the House and Household Items). Part 2.]*, *Lishaev S. A. (ed.) Mixtura verborum'2005: telo, smysl, sub'ekt* [Mixtura Verborum'2005: Body, Meaning, Subject]*. Samara, Samarskaya Gumanitarnaya Akademiya Publ., pp. 63–92. (in Russian)
- Lishaev S. A. (2010) *Uyutnoe mesto (fenomen uyuta v ehstetike prostranstva)* [Cosy Place (Phenomenon of Cosiness in Aesthetics of Space)], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University A. S. Pushkin]*, vol. 2, no. 4, pp. 144–153. (in Russian)
- Lomas T. (2017) *The Spectrum of Positive Affect: A Cross-cultural Lexical Analysis*, *International Journal of Wellbeing*, vol. 7, issue 3, pp. 1–18, doi: 10.5502/ijw.v7i3.608 (in English)
- Mizin K., Petrov O. (2021) *Emotional State Gemütlichkeit in Cross-cultural Perspective: Corpus-based Approach*, *Studies About Languages*, no. 38, pp. 43–60, doi: 10.5755/ijl.sal.1.38.26581 (in English)
- Moretti F. (2014) *[The Bourgeois: Between History and Literature]*. Moscow, Institut Gaidara Publ., 264 p. (in Russian)
- Ozhegov S. I. (2013) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]*. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 736 p. (in Russian)
- Przhilenskii I. V. (2010) *Chastnaya zhizn' v kul'ture sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskii analiz* [Private Life in the Culture of Modern Russian Society: A Sociological Analysis]*. Cand. sociol. sci. diss. Maykop, 176 p. (in Russian)
- Rozanov V. V. (2000) *Collected Works. Vol. 12. Apokalipsis nashego vremeni* [Apocalypse of Our Time]*. Moscow, Respublika Publ., 429 p. (in Russian)
- Schmidt-Lauber B. (2003) *Gemütlichkeit: eine kulturwissenschaftliche Annäherung*. Frankfurt, Campus, 257 s. (in German)
- Shmelev A. D. (2005) *V poiskakh mira i lada* [In Search of Peace and Harmony]*, *Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyucheveye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., pp. 110–129. (in Russian)
- Stepanov Yu. S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 992 p. (in Russian)
- Veber M. (2013) *[The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]*, *Izbrannoe. Protestantskaya ehstika i dukh kapitalizma* [Favorites. The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]*. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., pp. 19–186. (in Russian)
- Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. (2005) *O poshlости i proze zhizni* [On the Vulgarity and Prose of Life]*, *Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyucheveye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., pp. 175–202. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.